

Когда Лу Юйань вернулся из больницы, было уже совсем поздно. Таинственного дядю Яна он так и не застал. Видимо, сказалось вчерашнее недомогание: на следующее утро Юйань — редкий случай — проспал.

Привычные часы совместного завтрака давно прошли.

В семье Лу было принято собираться за утранным столом всей семьей. Каким бы занятым ни был Лу Чжэнцин, если он находился дома, то непременно завтракал с детьми, чтобы расспросить их о делах. Когда-то для Лу Юйаня это было самое любимое, самое теплое время, и не имело значения, что он всегда сидел тише всех.

Но теперь он больше не испытывал тоски по этой иллюзии семейного очага. С самообманом было покончено.

А внизу, в столовой, Лу Чжэнцин хмуро потягивал кофе, то и дело бросая взгляды на лестницу второго этажа.

Обычно к этому часу Юйань уже давно спускался. Сколько Лу Чжэнцин себя помнил, на каждом совместном завтраке мальчик неизменно сидел на своем месте и молча наблюдал за ним. Этот взгляд давно стал привычным. Чжэнцин попытался вызвать в памяти хоть один случай, когда Юйаня не было за столом, и к своему удивлению не смог. На него всегда смотрели эти чистые, янтарные глаза.

К горлу подступило странное, горьковатое чувство, но додумать мысль он не успел.

Лу Ванбэй, заметив, что время близится к выезду в офис, а отец и не думает двигаться с места, спросил:

— Папа, что-то не так?

Сбросив оцепенение, Лу Чжэнцин посмотрел на старшего сына — тот только вернулся из командировки и уже снова собирался в компанию.

— Все в порядке, — мягко ответил он. — Да, Ванбэй, твоя медицинская карта за этот год уже готова? Как получишь результаты обследования, покажи мне.

Старший сын всегда был его гордостью. Но в глубине души Чжэнцин носил тяжелое чувство вины перед ним: в годы, когда жена медленно угасала от болезни, у него физически не хватало сил заботиться о старшем сыне. Казалось, он лишь на миг отвел взгляд, а ребенок уже вырос и возмужал.

Ванбэй давно привык, что отец контролирует его здоровье и лично изучает каждый медицинский отчет. Он не обижался — понимал, откуда это идет. Мучительная болезнь матери

разделила их жизнь на «до» и «после», став для отца и сына незаживающей раной, кошмаром, из которого невозможно проснуться.

И именно поэтому Ванбэй так и не смог до конца перебороть внутреннее отчуждение к младшему брату. Лу Юйань был плотью от плоти его семьи, но в то же время — человеком, отнявшим у него мать. В памяти стерлись многие детали, но Ванбэй смутно помнил, как тяжело маме далась та беременность, какой истощенной и хрупкой она была. А потом, чтобы полностью сосредоточиться на уходе за младенцем, родители отправили старшего сына к родственникам. Он до сих пор помнил удушливое одиночество тех ночей, когда он, совсем маленький, сворачивался калачиком на чужой постели и невидящим взором смотрел в белый потолок, ожидая рассвета. Когда ему впервые позволили увидеть брата, трехмесячный Юйань уже всю купался в родительской любви и нежности.

Юйань с младенчества рос баловнем судьбы, любимчиком родителей, и его невыносимый эгоизм казался закономерным следствием этого.

Когда младший брат наконец вернулся в семью, Ванбэй честно пытался принять его. Все-таки родная кровь. Но реальность оказалась жестокой: характер Юйаня остался прежним. Он все так же не выносил Юйнина, изводя его при каждом удобном случае.

Откуда в их семье взялся этот мелочный, завистливый и деспотичный подросток? Юйнин для него был лишь бесправным приемышем, на которого можно орать и срывать злость, тогда как перед отцом и старшим братом Юйань заискивал, пытаясь выслужиться. Двуличный, скользкий тип.

При этой мысли к горлу Ванбэя подкатила глухая неприязнь.

На лестнице раздались шаги. Едва этот звук долетел до столовой, как Лу Чжэнцин замер с чашкой у губ, а Лу Ванбэй, натягивавший пиджак, мгновенно вскинул голову. Они посмотрели на ступени одновременно, словно по команде.

Лу Юйнин, стоявший чуть поодаль с кружкой горячего какао, перехватил этот синхронный взгляд, и его лицо омрачилось.

Со стороны ему было видно куда яснее, чем им самим: второй брат занимал в их мыслях совершенно особое, исключительное место. Они просто еще не отдавали себе в этом отчета.

В глубине души Юйнин отчаянно завидовал ему. Юйань, казалось, обладал врожденным даром: где бы он ни появлялся, пространство вокруг него мгновенно намагничивалось, стягивая к нему все взгляды.

Юйнин прикусил губу. Вперед выступила вчерашняя история с картиной, за которую его так хвалил дядя Ян, но она не принесла облегчения. Скорее наоборот. Расспросы дворецкого, дяди Вана, ничего не дали — тот тоже не знал, кто автор наброска.

Ночью Юйнина душил кошмар. Вязкий, неразличимый голос шептал из темноты, раз за разом повторяя одну и ту же фразу: «Ты обманщик. Ты просто вор...» Он проснулся на рассвете, задыхаясь, в липком холодном поту.

Лу Юйань спустился в холл с рюкзаком на плече. Проснулся он, судя по всему, в спешке: мягкие черные вихры на макушке нелепо топорщились в разные стороны. Мазнув безучастным взглядом по застывшим в столовой фигурам, он сразу повернул к выходу.

Время поджимало, он катастрофически опаздывал.

Внутри у Лу Чжэнцина закипело глухое раздражение. Не успев подумать, он резко бросил в спину сыну:

— Почему так поздно встал?

И тут же мысленно поморщился, осознав собственную резкость. Он попытался убедить себя, что всему виной подсознательное чувство вины: вчера он слишком жестко продал решение о переводе в другой класс, испугался, что окончательно оттолкнет парня, и рассчитывал компенсировать это за завтраком. Отсюда и нетерпение, и досада из-за того, что Юйань не спустился вовремя.

Но почему наружу вырвался именно этот обвиняющий тон?

Воздух в гостиной мгновенно наэлектризовался. Очередная стычка казалась неизбежной.

— Ну что ты, папа, со всяким бывает, — Юйнин, чутко уловив перемену в лицах близких, поспешил разрядить обстановку. Наполнив стеклянный бокал теплым какао, он протянул его Юйаню с мягкой, обезоруживающей улыбкой: — Второй брат, садись за стол. Мы специально оставили завтрак для тебя.

Юйань посмотрел на младшего брата. Тонкие, слегка вьющиеся от природы волосы Юйнина имели мягкий золотистый отлив, выгодно подчеркивая его бледное, изящное лицо. Когда он улыбался, глаза его сужались в теплые полумесяцы — весь его облик буквально светился кротостью и очарованием, невольно вызывая симпатию.

Юйань прекрасно понимал, что эта улыбка — не фальшь. Юйнин действительно переживал, что брат уйдет голодным. Между ними не было глупых интриг, взаимных пакостей или дешевого лицедейства за спиной. Причина была куда прозаичнее: Юйань был ревнив и ограничен — он просто терпеть не мог этого мальчика.

Не любил прежде, не полюбил и теперь.

Даже не взглянув на протянутый бокал, он поправил лямку рюкзака и сухо бросил отцу:

— Я в школу.

Юйнин застыл в нелепой позе с бокалом в руке — и опустить неловко, и держать бессмысленно.

Лицо Лу Чжэнцина мгновенно потемнело. Он отчаянно пытался сохранить самообладание, но ледяное пренебрежение, с которым Юйань в очередной раз оттолкнул Юйнина, переполнило чашу терпения.

— Лу Юйань! — в его голосе зазвенел металл.

Отец искренне не понимал, в какой момент все пошло прахом. Ведь в раннем детстве этот мальчик рос тихим, ласковым и послушным. Но теперь, сколько бы Чжэнцин ни вглядывался в него, он не находил и тени того прежнего, родного ребенка.

— Папа, пожалуйста, не надо! — поспешно перебил его Юйнин, мягко коснувшись рукава отца. Он умоляюще смотрел на Чжэнцина, понимая, что его заступничество лишь сильнее разожжет вражду.

Лу Чжэнцин тяжело вздохнул, чувствуя одновременно досаду и благодарность за рассудительность младшего. В который раз в его голове пронеслась горькая мысль: будь Юйань хоть на сотую долю таким же понимающим, их семья не жила бы как на пороховой бочке.

Дети — это вечный крест родителей. Ни со старшим Ванбэем, ни с приемным Юйнином он никогда не знал хлопот. Все седые волосы на его голове были из-за Юйаня.

Только в этот момент Чжэнцин вспомнил, что обещал сегодня лично поехать с ним в школу, чтобы уладить дела с переводом.

Секретарь Ду уже уладил основные вопросы с переводом. Оставалось лишь завершить бумажную волокиту, получить направление и явиться в новый класс. Поскольку формальностей оставалось немного, Лу Юйань отпустил Ду Юньчжи обратно в офис. Было неловко отнимать время у личного помощника отца ради таких пустяков.

Новым пристанищем Юйаня должен был стать Класс Тринадцать, о котором в Средней школе Цзиньань ходили легенды. Это сборище считалось абсолютно неуправляемым. В прошлом полугодии они умудрились довести классного руководителя до нервного срыва и увольнения, а администрация школы, сбившись с ног, до середины новой четверти так и не смогла подыскать им очередного несчастного на замену.

Его прежний Класс Один и этот Класс Тринадцать находились на противоположных полюсах успеваемости. Небо и земля.

Конечно, в школе смутно догадывались о сложных семейных отношениях в доме Лу. При этом Лу Юйнин учился здесь с начальных классов, всегда был круглым отличником, послушным и вежливым, за что пользовался искренней любовью преподавателей. По слухам, когда Юйаня только собирались перевести в Класс Один, классный руководитель, учитель Ли, сопротивлялся этому изо всех сил. А когда его протесты не возымели действия, он вызвал Юйнина к себе в кабинет и целый час читал ему напутствия, как вести себя с трудным родственником.

Юйаня ведь буквально впихнули в элитную Среднюю школу Цзинъань связями и деньгами отца, хотя базовых знаний у него не было вовсе. Тянуть местную сложную программу стоило ему невероятных усилий, а колючий нрав только усугублял положение — среди педагогов он быстро заслужил репутацию неблагополучного элемента.

А уж после недавней драки с молодым учителем-практикантом ни один приличный класс тем более не согласился бы добровольно принять его.

По-хорошему, подписав сегодня все бумаги у завуча, Юйань мог спокойно уйти домой.

Но в этой жизни он твердо вознамерился поступить в университет и не собирался тратить впустую ни одного учебного дня.

Учиться Юйань начал слишком поздно — за школьную парту он сел только в десять лет. До этого те люди даже не думали отдавать его в школу.

По возрасту его определили сразу в четвертый класс. К школьной программе он готовился сам — тайком читал выброшенные кем-то учебники, которые находил на улицах, но эти знания были поверхностными и обрывочными. Вдобавок к тому времени он уже почти оглох на правое ухо, а отчим, Ли Фанцзя, напиваясь до беспамятства, постоянно устраивал дома погромы и запрещал ему даже открывать книги.

Он чудовищно отставал. Не мог толком освоить даже таблицу пиньиня, а за домашние работы неизменно получал жирные красные двойки.

Но его тогдашняя классная руководительница оказалась удивительно чуткой девушкой, только что выпустившейся из института. На уроках она мягко вовлекала его в обсуждение, раз за разом вызывая отвечать самого молчаливого ученика в классе. Быстро поняв, насколько запущен его случай, она не стала стыдить его перед другими, а начала ежедневно оставлять после уроков в кабинете, терпеливо обучая всему с самых азов.

А потом пришло лето. Стало жарко, и легкая одежда больше не могла прятать синяки и шрамы на его теле.

Он отчаянно не хотел впутывать ее в эту домашнюю грязь. Но тихая, хрупкая учительница, обутая в изящные туфельки, бесстрашно месила грязь в трущобах Южного города, пробираясь к ним в барак. Она пыталась уговорить Ван Жу подать на развод, но та лишь безвольно плакала и отказывалась. Тогда девушка начала приходить почти каждый день — под ее строгим надзором Ли Фанцзя на какое-то время притих и перестал распускать руки.

Каждый раз после ее ухода Юйань тайком шел следом, провожая ее до остановки.

Тот район был страшным: запутанный клубок зловонных переулков, где с наступлением темноты не горело ни одного фонаря. В этой глухой, липкой тьме могло произойти все что угодно.

Благодаря этой девушке Юйань на всю жизнь сохранил глубокое уважение к профессии учителя. С ее помощью он с грехом пополам окончил среднюю школу. Пусть его результаты были скромными, для ребенка с такой судьбой это казалось настоящим чудом.

На выпускном вечере учительница вручила ему письмо, в котором заклинала его во что бы то ни стало пробиться в университет. В своей прошлой жизни, учась в старших классах, он действительно из кожи вон лез, мечтая изучать гостиничное дело, чтобы в будущем помочь старшему брату, Лу Ванбэю, с управлением корпорацией. Юйань хорошо помнил детское обещание, данное маме: оберегать брата несмотря ни на что.

На последних пробных экзаменах его баллов с запасом хватало для прохождения на бюджетное отделение.

Но все надежды рухнули в один миг. За пару дней до начала государственных экзаменов он покалечил правую руку. Из-за глупого недоразумения его бывший сосед по трущобам — парень, связавшийся с уличными бандами, — прознал, как несладко Юйаню живется в благородном семействе Лу. Желая проучить обидчиков друга, этот парень выследил Лу Юйнина после занятий и запер его в старом, заброшенном крыле школы.

Сосед не знал, что Юйнин страдает тяжелой формой астмы, и что панический страх может спровоцировать смертельный приступ. Едва прослышав о случившемся, Юйань бросился в школу. Юйнин действительно задыхался взаперти, у него даже не оказалось с собой ингалятора. Но беда не приходит одна: сосед умудрился потерять ключ от замка, а в заброшенном классе в этот момент вспыхнул пожар.

Юйань вышиб хлипкую дверь и ринулся в клубы дыма. Брата он вытащил, но сильно обжег правую руку. К счастью, Юйнин отделался легким испугом, но разъяренная семья Лу решила стереть виновника в порошок. Нанятые отцом высокооплачиваемые адвокаты извернулись так, что парню начали шить дело о преднамеренном поджоге и покушении на убийство. Хотя Юйань точно знал: когда начался пожар, сосед находился рядом с ним во дворе и физически не мог поднести спичку.

В семье Лу его словам никто не поверил. Юйаня тут же записали в сообщники преступника, а

изувеченная правая кисть стала в глазах родственников заслуженным наказанием. Он на коленях умолял отца и брата пойти на мировую, ведь Юйнина выписали из больницы в тот же вечер, но те были непреклонны. Они жаждали показательной расправы.

Юйань искренне не понимал их жестокости. Да, сосед совершил глупость, но ведь Юйнин отделался легким испугом, а сам Юйань из-за ожогов пропустил важнейший экзамен в своей жизни! Неужели этой жертвы было недостаточно?

В итоге парня приговорили к году лишения свободы. Перед отправкой в колонию тот еще пытался утешать Юйаня, сокрушаясь, что так глупо подставил его под удар. Именно это предательство со стороны близких заставило Юйаня окончательно разорвать связи с семьей Лу. Перед своей безвременной кончиной в прошлой жизни он завещал бывшему соседу приличную сумму — прошлое было не вернуть, но эти деньги могли дать парню шанс начать все заново.

В прошлой жизни он так и не переступил порог университета, предав надежды своей первой наставницы. В этот раз он не отступит.

Юйань не хотел терять учебное время. Пока документы о переводе не подписаны директором, он оставался учеником Класа Один, туда он и направился.

Урок вел классный руководитель. Учитель Ли как раз складывал методички со стола на кафедре. Юйань остановился в дверях и дважды постучал согнутым пальцем по дереву:

— Учитель Ли.

Педагог поднял взгляд, и при виде Юйаня его дежурная улыбка мгновенно увяла:

— Лу Юйань? Что ты здесь делаешь? Разве твой перевод еще не оформлен?

В спину Юйаню сразу же вонзилось несколько колючих взглядов. Можно было не оборачиваться — это были дружки Лу Юйнина. Юйань ровным голосом пояснил:

— Бумаги будут готовы только завтра.

— Вот как... — Учитель Ли шумно выдохнул, и в его тоне прозвучало едва скрываемое облегчение. Он понимал, что педагогу не пристало радоваться избавлению от ученика, но Юйань действительно стал для него сущим кошмаром. Даже если не брать в расчет запутанные отношения братьев Лу, учитель Ли чисто по-человечески симпатизировал покладистому Юйнину, которого знал уже много лет.

Еще перед зачислением Юйаня в Цзинъань учитель Ли навел о нем справки через знакомых. Оказалось, в захудалой Средней школе №13 этот подросток ходил в авторитетах у местных

хулиганов, которые уважительно величали его «Сяо Лу-гэ».

Тогда у Ли сердце ушло в пятки.

Поначалу, впрочем, Юйань вел себя на удивление тихо. На уроках он слушал учителя едва ли не прилежнее остальных. Но вскоре Ли понял, что за этой маской усердия скрывается абсолютная пустота: у парня не было элементарной базы, да и талантами природа его обделила.

Учитель Ли привык работать с одаренными детьми в элитных классах. Его ученики хватали новые темы на лету, им достаточно было лишь намекнуть.

С Юйанем этот фокус не работал. Поначалу Ли честно пытался подтянуть отстающего. Но вскоре заметил: пока парень прилежно смотрел на доску, взгляд его оставался пустым и блуждающим. Объяснения пролетали мимо ушей, не задерживаясь в голове.

Имея за плечами огромный педагогический опыт, учитель Ли пришел к простому выводу: Юйань просто делает вид, что учится, а сам мысленно витает в облаках.

Доходили до абсурда: учитель подробно разбирал математическую задачу, расписывая на доске каждый шаг решения — оставалось только слово в слово переписать в тетрадь. Но на следующий день Юйань сдавал работу над ошибками, в которой умудрялся наделать глупых ляпов при обычном списывании. Учитель пытался найти к нему подход, но вскоре выяснилось, что Юйань ухитрился испортить отношения со всеми ребятами в классе. Ли деликатно советовал ему быть дружелюбнее и попросить помощи у сверстников, но тот лишь замыкался в себе.

Вскоре тишина закончилась: Юйань начал ввязываться в потасовки. Одноклассники регулярно прибегали с жалобами, утверждая, что тот задирает их, толкается и выбрасывает их рюкзаки. Образцовый, самый спокойный класс школы из-за одного трудного подростка превратился в поле боя, доводя классного руководителя до белого каления.

Масла в огонь подливало то, что Юйнин стал часто пропускать уроки по болезни, выглядел бледным и затравленным. На расспросы он лишь испуганно качал головой и умалчивал о причинах. Лишь позже от других ребят Ли узнал, что Юйань безжалостно третирует приемного брата дома.

Хроническая неуспеваемость, портившая общую статистику класса, дурной характер и вечные конфликты заставили учителя Ли окончательно поставить на Юйане крест. Он больше не хотел тратить на него свои силы.

Последней каплей стало то, что Юйань избил молодого учителя-практиканта, пришедшего к ним в этом полугодии. После этого скандала терпение Ли лопнуло, и он в ультимативной форме потребовал немедленно перевести хулигана в другой класс.

Поступок был за гранью всяких рамок. Если бы не Юйнин, который вовремя привел других преподавателей, избитый практикант, вероятно, попытался бы спустить дело на тормозах, побоявшись связываться с сыном богатого попечителя.

Позже учителя долго обсуждали этот инцидент. Они сошлись во мнении, что Юйань затаил злобу на практиканта, когда тот заставил его стоять весь урок у доски. Обиженный подросток подкараулил молодого человека на пустыре за школой и избил.

Кто в здравом уме согласится учить такого неуправляемого зверя?

Подавая заявление директору, учитель Ли лишь осторожно прощупывал почву. Юйань ведь был сыном господина Лу, а новая школьная библиотека только-только открылась благодаря щедрому чеку от этой семьи. Да и благотворительный фонд Цзинъань уже больше десяти лет держался исключительно на их пожертвованиях. Кто бы осмелился тронуть такого ученика?

Но, к всеобщему изумлению, вопрос решился без малейших проволочек. Юйаня спланировали в худший в параллели Класс Тринадцать. Учитель Ли даже злорадно подумал: неужели в семье Лу наконец осознали, что парень — абсолютное ничтожество, и решили махнуть на него рукой?

Добившись желаемого, классный руководитель решил напоследок проявить каплю великодушия и завел покровительственный тон:

— Накосычил — умеешь отвечать за поступки. Учитель Хуан, как-никак, твой старший. Он ведь до сих пор выгораживает тебя перед завучем, врет, будто вы просто дурачились. Эх, парень, парень... — Он сокрушенно покачал головой.

Юйань лишь мысленно хмыкнул. Этот подлец Хуан оказался достаточно сообразительным, чтобы не раздувать скандал. Несколько дней назад Юйань случайно обнаружил, что списки кандидатов на получение пособий для малоимущих учеников, которые вел этот практикант, были грубо сфальсифицированы. Из них исчезло имя действительно нуждающейся девочки, чей отец отбывал срок в колонии, а младший брат страдал тяжелой умственной отсталостью. Юйань, который сам вырос на улице и выхаживал маленького Лэлэ, слишком хорошо понимал, что для подобных семей эти копейки — вопрос жизни и смерти.

Вместо нее в списках красовались фамилии вполне благополучных и небедных подростков. Обучение в Средней школе Цзинъань обходилось дорого, и для ребят из простых семей социальная стипендия была единственным шансом удержаться здесь.

Он отправился на заброшенный пустырь за школьным холмом, чтобы поговорить с Хуаном с глазу на глаз, но застал омерзительную сцену. Практикант зажал в углу одну из претенденток на пособие и нагло распускал руки, прямым текстом угрожая вычеркнуть ее из списков, если она откажется «быть ласковой».

В ту секунду Юйань не думал о последствиях. Он просто бросился на подонка с кулаками, крикнув девчонке, чтобы та бежала.

Хуан был старше и выше ростом, но драться совершенно не умел — обычный домашний тюфяк. Юйань разделал его под орех в считанные минуты. Расквасив твари лицо в кровь и не получив ни единой царапины взамен, он прижал его к земле и лаконично пообещал переломать пальцы, если тот еще хоть раз посмеет прикоснуться к сиротским деньгам.

На этом бы все и закончилось, если бы Лу Юйнин не притащил за собой толпу учителей.

Разумеется, когда администрация начала разбирательство, Хуан лишь испуганно лепетал невнятную чушь, боясь лишиться диплома. Сам Юйань тоже не проронил ни слова: сквозь кольцо обступивших его людей он поймал умоляющий, полный ужаса взгляд спасенной одноклассницы.

Он вырос на самом дне и слишком хорошо знал законы этого мира. Стоило ему раскрыть рот — и на девочку обрушилась бы лавина грязных слухов и косых взглядов. Справляться с таким давлением в ее возрасте невыносимо.

Тем более что практика у этого ничтожества заканчивалась через пару недель. Полученного урока ему должно было хватить с лихвой.

Юйань никогда не мнил себя благодетелем и не любил совать нос в чужие дела. Но у этого стипендиального фонда была своя история. Его основала женщина, чей единственный ребенок был похищен много лет назад. Медленно умирая в больничной палате и терзаясь мыслью, что ее потерянный малыш может сейчас бродяжничать, голодать и расти безграмотным, она пожертвовала колоссальные средства на учреждение именных стипендий в сотнях школ по всей стране.

Эту женщину звали Му Сяцин. Она была его мамой.

<http://bllate.org/book/19801/1988262>